

Известия - 1999 -
10 февр. - с. 7

Человек на разные времена

Александр Володину исполнилось 80 лет

Юрий БОГОМОЛОВ

Почти в каждом из героев Александра Володина уживаются два трудно сочетаемых и даже вроде бы взаимоисключающих комплекса: во-первых — своей значимости, во-вторых — своей никчемности (по-другому — ненужности).

Комплексы живут в человеке одновременно, заставляя его постоянно переоценивать и переобдумывать свою жизнь.

В «Графомане» выведен персонаж — городской художник, который «для города рисует афиши и диаграммы, а для души — что-то спорное и острое».

Это про него строчка из Тютчева: «О, как ты бьешься на пороге как бы двойного бытия!..»

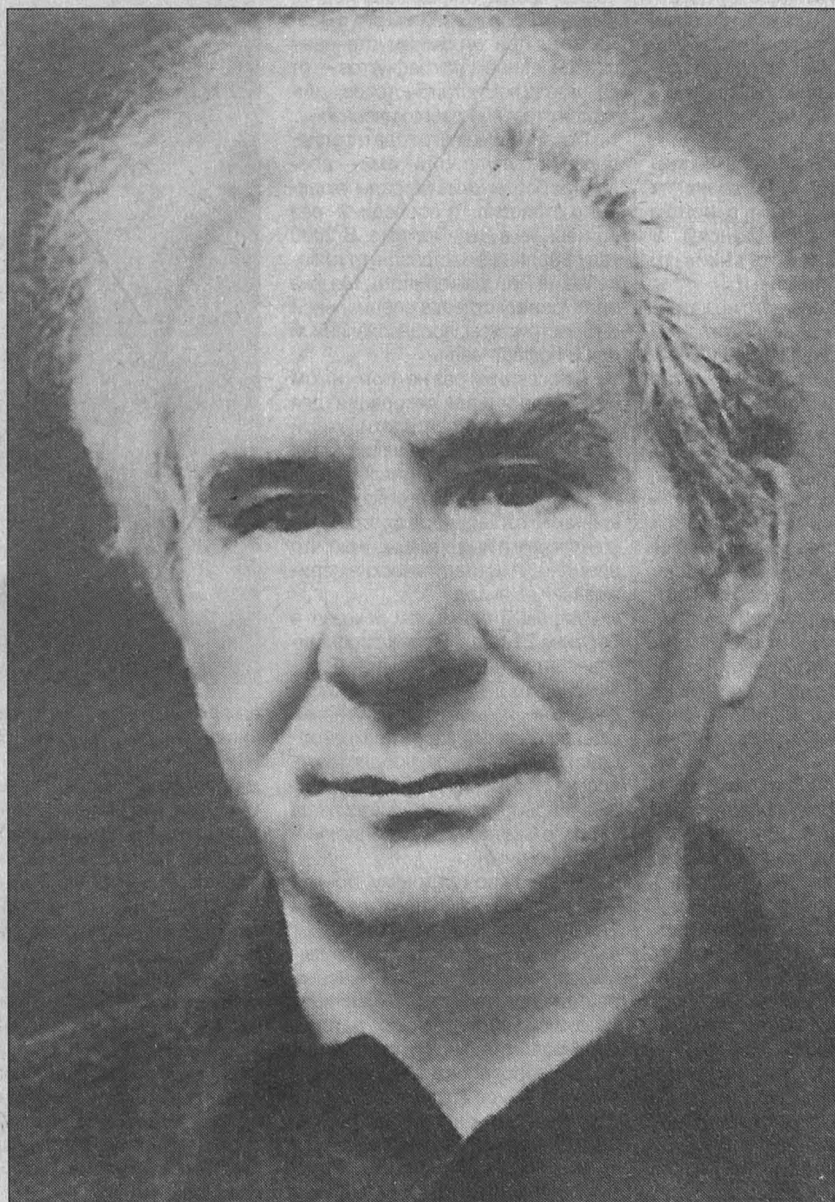
На этом «пороге» бьются почти все его герои и, стало быть, он сам, их создатель. Целостность жизни — заоблачная мечта. Неосуществимая по ряду причин. В годы Оттепели — по причинам внешнего порядка. Ты со всеми своими талантами как бы не нужен в этой жизни. Как стоматолог из «Похождений зубного врача» с его волшебным даром безболезненно удалять зубы.

В «Блондинке» персонаж с обязывающим именем и отчеством Лев Николаевич в какой-то не самый радостный момент своей жизни сообщает: «Меня сейчас нет, надо прийти в согласие с самим собой, собрать себя ложками во что-нибудь цельное».

На первых порах, в первых пьесах у его героев с этим не было проблем. Прядильщице Женьке Шульженко («Фабричная девчонка»), герою «Похождения зубного врача», да и остальным тоже цельности было не занимать. А «на пороге двойного бытия» билось само бытие Оттепели. Это оно разламывалось и разламывало жизнь человека на разрозненную и сокровенную. Может быть, отчетливее и яснее всего об этом Володин рассказал в пьесе «Назначение», некогда замечательно поставленной и сыгранной в «Современнике».

...Едва ли не каждая его строчка в 50—60-е годы ощущалась как потрясение основ.

Почему его «Фабричная девчонка» или «Пять вечеров» вызывали у партийных идеологов того времени почти такую же идиосинкразию, как несколько позже сол-

женицынский «Иван Денисович», сейчас нормальному человеку и не объяснишь. Там ведь речь шла не о ГУЛАГе, не о зэках, а о здоровом советском коллективе, о вполне приятных положительных совет-

ских людях, у которых и в мыслях не было покушаться на строй.

У них «в мыслях» была зашевелившаяся собственная внутренняя жизнь, какая-то еще не осознанная воля жить собственным

умом, по собственной совести, на свой страх и риск.

Потом, несколько позже, сам Володин очертит суть драмы сознательного советского человека: «Мы научились говорить в искусстве от имени народа, от имени молодежи, но разучились говорить от своего имени».

Володин умел говорить от своего имени. А по-другому говорить просто не хотел. Да и не умел.

Видимо, идеологические вертухаи, исправно «отстреливавшие» каждую его новую пьесу, были все-таки правы. Разумеется, по-своему. Володинские герои (и, конечно, не только володинские), что бы они про себя ни думали, в конечном итоге покушались именно на строй.

Самим образом жизни и мысли они ставили под сомнение его основу из основ — коллективистскую мораль, коя называлась то коммунистической, то социалистической. В советском общежитии она играла одну очень ответственную роль — жан-дармскую. То есть приглядывала за индивидом, контролировала его не только общественную, но и личную жизнь.

Никто, пожалуй, глубже Володина не прочувствовал фальшь и двуличие советского общежития. «Назначением» было почти все сказано на сей счет. Он написал еще вдогонку к своим «антисоветским» пьесам притчи «Ящерица» и «Две стрелы». Обе переполнены прозрачными аллюзиями, но уже тогда, в конце 60-х, по всему было понятно, что тема исчерпана, что спор художника с советским регламентом перестал быть интересен самому художнику.

Да, он был порождением Оттепели. А затем стал и продолжением ее. Не многим из поколения шестидесятников это оказалось под силу.

Многие остались в том времени со всеми его прекраснодушными иллюзиями, главная из которых состояла в том, что, вот, если цензурный ошейник-удавку на горле несколько ослабить, а идеологический поводок чуть удлинить, то больше ничего в этой жизни и не надо.

Они холили и нежили свою молодость, свою первую влюбленность, первые шаги на гражданском поприще, первые разочарования в жизни. Сегодня, когда жизнь приобрела непредсказуемый характер, испугались и обиделись. Иные из них впали в

менторство, тем более комичное, что сами они не потрудились повзрослеть.

Инфантилизм в советскую пору был не столько испытанием, сколько искушением — административные и идеологические ограничения досаждали лишь отчасти, а в остальном они придавали любым желаниям героический аромат. Невозможность перемен скрашивала страх перед жизнью. И даже украшала его.

В этот момент володинский герой сказал: «Я остановился в лучшем, прекрасном возрасте жизни, но жить дальше все равно нужно».

В этом вся проблема. В сравнении с ней неудобства, доставляемые советской властью, оказались рябью на воде.

Вдруг, скажем, Бузыкин («Осенний марафон») или Мокин («Графоман») обнаруживают, как короток этот поводок, на котором они кружатся! И что поводок этот — не идеология всевильного государства, а личные способности отдельного человека.

И тогда сами собой встают вопросы: как объяснить человеку, почему ему меньше дано природой, а другому больше?

Или: человеку хочется быть великим, а он видит, как мал он. И как ему быть в таком случае?

Или: человек замахнулся две жизни прожить — обычную да еще и необычную. А вот удовольствовался одной. А еще хуже — не удовольствовался.

Наконец, ему приснилась эта необычная жизнь: будто он летает под потолком, но тут какая-то женщина достает его щеткой.

Жизнь в заколдованном кругу. Все тот же володинский герой просит об одном — чтобы жизнь была попричудливей, надоело однообразие. А ему в ответ: поищите разнообразия внутри себя.

Это уже совет человеку, преодолевшему раздвоенность своего бытия, «пришедшему в согласие с самим собой и собравшему себя ложками во что-то цельное».

Теперь он желает другого — удвоенно-го бытия. И бьется на его пороге.

Впрочем, что касается самого Володина, то он решил эту задачу. За его плечами по крайней мере две жизни. Одна — обыкновенная: быт, друзья, семья. Другая — необычная: его пьесы, сценарии, эссе, стихи...

Например, вот такие:

А не снесете головы —
хотя бы память сохранится,
как весело бежали вы...